

ОБРАЗ И СМЫСЛ ИСТОРИИ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ю. К. Волков¹, Н. С. Тихонов²

*¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

*²Приволжский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Целью проведённого исследования является анализ содержания и структуры образа истории в мифологической картине мира. В этом исследовательском контексте особое место занимает проблема смысла истории. Новизна предлагаемого варианта решения указанной проблемы состоит в попытке соединить её трансцендентное и имманентное понимание на примере мифологического мировоззрения.

Материалы и методы. Материалом работы послужили образы и сюжеты античной мифологии, а также труды отечественных мифологов, посвящённые типологическим особенностям мифа. В статье в качестве мифоподобной разновидности образа истории представлена картина прошлого, заимствованная из «Розы Мира» Даниила Андреева. В работе использованы методы системного и структурно-функционального анализа, моделирования, реконструкции, идеализации, сравнения и описания, соответствующие особенностям предмета исследования.

Результаты исследования. В статье выделены и проанализированы три тематических блока: ход истории в мифологических сюжетах о прошлом человечества; мифологический образ исторического времени и принцип причинности; личностная и внеличностная основа мифологического образа истории. По результатам проведённого анализа сделаны следующие выводы. Во-первых, мифологические представления о «ранних временах» сохраняются лишь в форме произведений, соответствующих культуре своей эпохи. Во-вторых, мифы о прошлом человечества выполняют функцию объяснения смысла установленного в мире порядка. В-третьих, одной из сущностных сторон образа истории в мифологической картине мира выступает различие между эмпирическим и мифологическим временем. В-четвёртых, понятие объективного закона в мифологической картине мира заменяет каузальная иерархия персонифицированных сил и финитных событий. В-пятых, личностное самосознание мифа является одновременно историческим и антиисторическим.

Обсуждение и заключения. Образ прошлого, обнаруженный в реконструкциях мифологической картины мира, обладает двойственной – одновременно исторической и антиисторической – сущностью, а потому содержит в себе идейный потенциал для нового – религиозного и философского понимания смысла истории. Таким образом, единство реального и ирреального, имманентного и трансцендентного в мифологических описаниях прошлого, помогает лучше понять истоки мировоззренческого дуализма объективной и субъективной истории.

Ключевые слова: смысл истории, образ истории, имманентное и трансцендентное, картина мира, типы мировоззрения, мифы о прошлом человечества, эмпирическое и мифологическое время, мифологическое самосознание

Для цитирования: Волков Ю. К., Тихонов Н. С. Образ и смысл истории в мифологической картине мира // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 2. С. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-11.

IMAGE AND MEANING OF HISTORY IN THE MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

Yu. K. Volkov¹, N. S. Tikhonov²

*¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

*²The Volga Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian
Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The purpose of the study is to analyze the content and structure of the image of history in the mythological picture of the world. In this research context, the problem of the meaning of history, occupies a special place. The novelty of the proposed solution to this problem is an attempt to combine its transcendental and immanent understanding using the example of a mythological worldview.

Materials and methods. The material of the work was the images and plots of classical ancient mythology, as well, as the works of domestic mythologists devoted to the typological features of the myth. The article presents «Rose of the World» by Daniil Andreev as a picture of myth-like version of the image of history. The paper uses methods of system and structural-functional analysis, modeling, reconstruction, idealization, comparison and description, corresponding to the features of the subject of research.

Results. The article highlights and analyzes three thematic blocks: the course of history in mythological plots about the past of mankind; mythological image of historical time and the principle of causality; the personal and extra personal basis of the mythological image of history. Based on the results of the analysis the following conclusions were made. Firstly, mythological representations of the «early times» are preserved only in the form of works corresponding to the culture of their era. Secondly, myths about the past of mankind serve the function of explaining the meaning of the order established in the world. Thirdly, one of the essential aspects of the image of history in the mythological picture of the world is the difference between empirical and mythological time. Fourth, the concept of objective law in the mythological worldview is replaced by a causal hierarchy of personalized forces and finite events. Fifth, the personal identity of the myth is both historical and anti-historical.

Discussion and conclusions. The image of the past found in the reconstructions of the mythological picture of the world has a dual – both historical and anti-historical essence, and therefore contains the ideological potential for a new – religious and philosophical understanding of the meaning of history, in which there will be not only an appeal to the sacred past, but also a profane modernity and an

aspiration for the future. Thus, the unity of the real and unreal, immanent and transcendent in mythological descriptions of the past helps to better understand the nature of dualism of objective and subjective history.

Keywords: the meaning of history, the image of history, immanent and transcendent, the picture of the world, types of worldview, myths about the past of mankind, empirical and mythological time, mythological self-awareness

For citation: Volkov Yu. K., Tikhonov N. S. Image and meaning of history in the mythological picture of the world // Vestnik of Minin University. 2025. Vol. 13, no. 2. P. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-11.

Введение

Актуальная, в силу исключительной динамики происходящих в мире процессов, проблема смысла истории, несмотря на сохраняющийся плюрализм подходов в её решении и осмыслении [9; 20, с. 5-8; 28], имеет две основные концептуальные трактовки: имманентную и трансцендентную. В своём классическом – трансцендентном понимании проблема смысла истории может быть представлена как ответ на вопрос: есть ли общая, выходящая за пределы истории разумная цель, к которой движется и неизбежно придёт все человечество?

Вместе с тем с позиции имманентного понимания смысла истории как общего вектора самого исторического движения, образованного путем сложения целей его участников, становится очевидной некорректность сформулированного вопроса. В этой связи вполне обоснованной выглядит многоплановая критика философско-исторической метафизики [10]. Её идеологическая сущность, на наш взгляд, может быть выражена следующим естественно-историческим аргументом: история человеческого общества, как и история природы, не имеет смысла, назначения и цели [21, с. 12].

Чтобы избежать подобных критических замечаний, переводящих проблему смысла истории в разряд псевдопроблем, требуется показать отличие законосообразности исторических событий от телеологических форм человеческой жизнедеятельности. Иначе говоря, избегая редукции общества к человеку, а человека к обществу, «доказать существование таких безальтернативных конечных целей, осуществление которых предписано человеку» [18, с. 51, 87].

При этом следует иметь в виду, что придающий целевую направленность истории её особый общечеловеческий смысл не существует сам по себе. Феноменологически смысл истории представляет собой ментальный феномен, носителями которого могут выступать не только непосредственные участники событий, но также их актуальные и потенциальные наблюдатели, толкователи и рассказчики. Именно так, в виде процесса «извлечения» из истории «полезных истин» на основе рационального объяснения прошлого [22, с. 35], то есть историю культурного просвещения человечества, понимал философия истории её основоположник Франсуа Вольтер.

Следовательно, предметом исследования проблемы направленности и смысла истории, в конечном счёте, оказывается не сама история как реально существующий и объективный процесс, но образно-смысловая компонента исторического сознания, связанная с пониманием и объяснением результатов исторически значимых целей. Именно этот умозрительный

результат реальных и вымышленных исторических событий, образующий целостный образ истории, входит в состав общей картины мира, а потому зависит от особенностей того или иного типа мировоззрения.

Таким образом, новизна предлагаемого авторами мировоззренческого подхода к решению проблемы смысла истории будет состоять в культурной обусловленности ментального образа прошлого, выходящего за пределы исторических описаний. Это значит, что в историческом сознании прошлое человечества существует как результат действительных и вымышленных, исторических и неисторических событий, образующих целостный образ истории, который на правах особого пространственно-временного конструкта входит в состав общей картины мира.

Обзор литературы

Из обширного и постоянно растущего списка работ, посвящённых различным аспектам природы мифологического сознания, в статье использованы исследования, в которых рассматриваются: телеологическая и каузальная специфика мифологического мышления [3]; темпоральные мифы и структурные особенности мифологизации времени [14], а также социальные функции мифа и социальная мифология [12]. Однако наиболее подробно при этом проанализированы признанные классическими труды трёх отечественных исследователей мифорелигиозных и мифопоэтических форм духовной культуры: А. Ф. Лосева [15; 16], Е. М. Мелетинского [17], С. А. Токарева [23; 24]. В связке с темой мифологизации времени в статье также разбирается вопрос о структуре исторического пространства и времени [2; 4; 6; 11; 25].

Отдельное место в исследовании исторических особенностей мифологического сознания занимает специально рассмотренная во введении проблема смысла истории. Несмотря на историологическую [21], социально-философскую [18] и постметафизическую [10] критику указанной проблемы, она по-прежнему вызывает интерес у отечественных и зарубежных философов. Из всего корпуса работ по теме смысла истории в статье использованы некоторые разноплановые публикации, в которых подтверждена нерешённость вопроса о телеологических критериях исторического процесса [9; 20; 28]. Тем не менее, несмотря на отмеченный плюрализм подходов в решении проблемы смысла истории, в работе определена концепция, более всего подходящая для анализа природы мифологического сознания. Это – двойственная, имманентно-трансцендентная концепция смысла истории, позволяющая расширить проблему смысла истории за счет дополнительного включения в неё темы образа и направленности социального движения.

Материалы и методы

Образ и смысл истории в мифологических описаниях как главный предмет планируемого исследования и его основная цель – анализ содержания и структуры образа прошлого на основе типологических особенностей мифологического мировоззрения, определили выбор исследовательского материала. В качестве источников работы использованы: мифы о творении, судьбе и конце мира [8; 13; 27], мифологические образы и сюжеты о начале и этапах мифологической истории из произведений Гесиода [7; 8] и Овидия [19; 26], а также материалы классиков отечественной мифологии – А. Ф. Лосева [15; 16], Е. М. Мелетинского [17], С. А. Токарева [23; 24]. Кроме того, с целью демонстрации

содержательных и структурных особенностей исторической мифологии в статье представлена картина реально-мистического прошлого, заимствованная из «Розы Мира» Д. Л. Андреева [1].

В качестве исследовательского инструментария в работе использованы методы системного и структурно-функционального анализа, моделирования, реконструкции, идеализации, сравнения и описания, соответствующие особенностям предмета исследования.

Результаты исследования

Ход истории в мифологических сюжетах о прошлом человечества

В разнообразном корпусе мифологических повествований рассказы о прошлом человечества занимают важное место. Их роль в жизни социума, скорее всего, действительно заключалась в объяснении установленного в природе и в обществе порядка, обладающего определённым, строго заданным смыслом. Поскольку мифологический синкретизм не отменял необходимого для жизненной ориентации профанного и сакрального разграничения сфер бытия, в космогонических мифах, пришедших на смену тотемическим мифам, изначальный хаос распадается на противоборствующие земные и небесные начала [12, с. 25-29]. Однако порядок и единство в различающемся космическом мире обеспечивал уже не исходный, генетический, а категориально более сложный – пространственно-временной синкретизм [12, с. 30-31].

Если обратиться к наиболее развитой и лучше всего изученной античной мифологии, то, пожалуй, самым известным сюжетом о прошлом человечества будет миф о нескольких, регрессивно сменяющих друг друга веках. Двумя основными античными источниками исторической схемы деградации человечества от «золотого века» к «железному веку» являются «Труды и дни» Гесиода [7, с. 50-55] и «Метаморфозы» Овидия [19, кн. I, ст. 62-89].

Несмотря на сходство картин, описывающих прошлое человечества, в образе истории Гесиода, в отличие от заимствовавшего у него идею «золотого века» Овидия, ещё присутствуют мифорелигиозные образы божественных правителей двух первых веков – Кроноса и Зевса. Эти мифологические божества полностью определяют судьбу живущих в их время людей. Однако, описывая судьбу трёх последующих поколений людей, Гесиод акцентирует внимание уже не на воле божественных правителей, а на самих участниках исторических событий, характеризуя их как героев или антигероев [8, с. 21].

Не останавливаясь более подробно на особенностях трактовки мифа о «золотом веке», отметим лишь, что, видимо, правы те авторы, которые считают, что у Гесиода ещё сохраняется мифологическая компонента сказаний, которая входила в сознание его современников на правах предмета мифорелигиозной веры. В то время как для Овидия и его современников мифы о «золотом веке» уже представляли собой художественный сюжет, который можно было произвольно перекраивать, вкладывая в него новый смысл [26, с. 17-18].

На этом основании можно сделать вывод, имеющий принципиальное значение для наших последующих рассуждений. Как оказывается, не только мифопоэтическая, овидиевская эстетизация мифа о «золотом веке», но даже его более ранняя, гесиодовская версия, облачённая в мифорелигиозную форму, представляют собой вторичные, релевантные культуре своей эпохи формы общественного сознания. В то время как в основе самого мифа о «золотом веке» лежат мифологические представления эпохи разложения родового строя, восходящие к ещё более ранним тотемным верованиям [24, с. 471].

Не вдаваясь более глубоко в подробности дискуссионной проблемы генезиса и дифференциации таких форм общественного сознания, как миф и религия, согласимся с

гипотезой, предложенной С. А. Токаревым. Согласно его предположению, содержание мифа становится религиозным лишь в ситуации его соединения с сакральными ритуалами, первоначально предназначенными для посвящённых членов рода. Однако позднейшее превращение мифорелигиозных образов в обязательный предмет веры устраняет этот исторически преходящий характер деления мифогенного знания на эзотерические и экзотерические разновидности [23, с. 531-537].

Исходя из такого общекультурного понимания места мифологии и религии, историографический миф о «золотом веке», а также иные мифологические представления о «ранних временах» [24, с. 471-472] можно отнести к числу сюжетов, входящих в содержание более поздней мифорелигиозной картины мира, общедоступной для восприятия в силу своей художественной формы. В этой картине мира представления о счастливом прошлом человечества постепенно трансформируются в религиозные сюжеты о грехопадении, потерянном рае и причинах мирового зла [24, с. 472].

Античный миф, по мнению А. Ф. Лосева, представляет собой исторический комплекс рудиментов, указывающих на прошлое, и ферментов, указывающих на будущее. Их развитие и борьба определяют содержание и структуру мифа [16, с. 28]. В качестве примера борьбы старого и нового в мифологической картине мира Лосев приводит сюжет из «Теогонии» Гесиода. В этом сюжете возникший из борьбы Земли и Неба неподвижный мир титанов закономерно сменяется динамичным миром творческого и волевого Зевса и сопровождающих его героев, которые должны переустроить мир согласно новым законам, установленным Зевсом [16, с. 28-29].

Следовательно, образ прошлого в мифопоэтической картине мира эпохи античности уже представлял собой мифологический рудимент, который утратил своё значение в результате использования исторически и культурно более прогрессивных мифорелигиозных ферментов. Сказанное подтверждает наше предположение о том, что миф как феномен первобытной родовой культуры прекратил своё реальное существование во всех письменных культурах. На всех стадиях развития цивилизованного общества автохтонный миф существует исключительно в форме мифорелигиозных и мифопоэтических произведений, имеющих, как правило, своих реальных или вымышленных авторов. Лишь такие культурно препарированные формы мифов могли стать адекватным предметом теоретического или практического применения.

Мифологический образ исторического времени и принцип причинности

Предметная идеализация осовремененных мифов определила синхронические или диахронические ориентации их современных теоретических моделей. Например, для семиотических моделей мифа приоритетным будет синхронический подход, опирающийся на методологию структурализма. Как считает Е. М. Мелетинский, углублённое изучение мифа и мифоподобных элементов в поэтической семантике сопровождается «односторонним ослаблением интереса к историческим формам отражения действительности» [17, с. 161].

В контексте рассматриваемой нами проблемы отмеченная Е. М. Мелетинским антиисторическая односторонность развития современной теоретической мифологии указывает на следующее обстоятельство. Несмотря на семантическую и композиционную самостоятельность каждого отдельного мифа, содержащего в себе комплекс из элементов прошлого, настоящего и будущего [16, с. 102], утопические мифы о прошлом человечества как утерянном рае, включая миф о «золотом веке», подчиняются общим темпоральным особенностям мифологического мышления.

Речь идет о том, что в мифологической картине мира обнаруживается совпадение космогонии и космологии мифа, благодаря чему языком прежних исторических событий описывается актуально существующее космическое и социальное пространство. Тем самым сущность вещи сводится к её генезису, а описание мира – к его истории. Отсюда вытекает различие между временем эмпирическим и временем мифологическим. Именно вторая разновидность времени, в отличие от внутренне протяженного эмпирического времени, предстаёт как выходящая за пределы временного потока эпоха первопредметов и перводействий [17, с. 172-173].

Построенная указанным способом дихотомическая модель времени первоначально, скорее всего, носила линейный характер и распространялась лишь на обращённый в прошлое сакральный этап. Лишь позднее, видимо, в связи с утверждением календарных обрядов, линейная модель времени трансформировалась в циклическую модель, в рамках которой возникают образы вселенских катастроф и обновлений, а также композиционно самостоятельный эсхатологический сюжет о конечных временах и гибели мира [28, с. 670-671].

Вместе с тем наличие эсхатологических мифов в содержании большинства известных локальных и мировых религий не означает обязательности того, что «в развитых мифологических системах задаётся достаточно целостная проекция временной структуры: «прошлое – настоящее – будущее» [14, с. 32]. С другой стороны, дискуссионный характер вопроса о структурных особенностях мифологической проекции времени связан с отсутствием общепризнанных антикваристских моделей мифа, а значит, требует адекватных теоретических реконструкций. С этой целью вновь воспользуемся структурно-функциональной моделью, в которой темпоральные особенности мифа одновременно определяют его каузальные особенности.

Как уже было сказано, дихотомическая мифогенная модель времени – это такая форма идеализации, в которой доминирует сакральная история, игнорирующая непрерывность эмпирического профанного времени. Однако уникальность и неповторимость описания событий сакрального прошлого сводит весь исторический процесс к однократным актам творения, совершённым в мифическое время [17, с. 177]. Поэтому с точки зрения некритически воспринимаемых мифов о творении каждое из исходных событий первоначальной истории выступает в них не просто как реальный факт, но также как первопричина для наступления последующих следствий.

Разбирая выделенную каузальную особенность мифа, Мелетинский сравнивает мифологическое и научное понимание закона с точки зрения направленности их иерархических структур. В этой связи выясняется, что, в противовес научной логике движения от причины к следствию, мифологической логике соответствует иерархия сил и персонажей, имеющих целевое назначение. В силу указанного обстоятельства, научному понятию объективного закона в мифологических сюжетах противостоят персональные образы и индивидуальные события, а причинно-следственному процессу – материальные метаморфозы. Иначе говоря, если в научном мировоззрении структуры первичны по отношению к событиям, то в мифологическом сознании структуры порождены событиями [17, с. 167-168]. Тем самым познавательный пафос мифологии попадает в подчинение к упорядочивающей целенаправленности, а космический и социальный порядок становится её основным смыслом.

Адаптивность и целенаправленность, присущая материальным и идеальным системам, в мифологическом сознании выступает как взаимозависимость частей, каждая из которых способна выполнять общую целевую функцию. В практической деятельности эти цели осуществляются через соответствующую мифологическому сознанию ритуальную практику,

которая становится средством достижения целей и влияет на желаемый результат. В непротиворечивой логике мифа этот результат представляет собой продукт согласования множества взаимозависимых и целенаправленных действий [3, с. 18-19].

Данное обстоятельство говорит о том, что мифологическое сознание обладает нечувствительностью к противоречию между инвариантностью и вариативностью вещей и состояний, а потому представляет собой неравновесную систему [3, с. 24]. В то же время из двух аспектов онтологической подсистемы социальной мифологии – структурного, состоящего из сакральных предметов и персонажей, и динамического – причинно-следственного и пространственно-временного [12, с. 134], особый интерес для нас будет представлять сравнение структуры мифологического и исторического времени.

Современный вариант системно-структурного решения проблемы упорядоченности прошлого был предложен в трудах французского историка Ф. Броделя, который пришёл к выводу о существовании трёх основных уровней временных последовательностей [4, с. 594]. К ним относятся: уровень «времени очень большой длительности», который предназначен для описания геоистории [10, с. 170]; уровень «времени большой длительности», связанный с масштабными процессами упорядоченности социальных отношений; уровень «конъюнктурного времени», который выявляет внутрисистемные социальные изменения. Кроме того, в модели исторического времени Броделя присутствует поверхностный слой, представляющий собой «событийную историю» (*histoire événementielle*) [25, с. 73]. В целом же историческая динамика, как считает Бродель, определяется не столько ситуативным уровнем событийной истории, а также отвечающей за её долговременные подвижки экономической конъюнктурой, сколько уровнем традиционных и малоподвижных ответов цивилизации, который определяет инерционную сторону истории [6, с. 19].

Рассуждая о перспективах создания экзистенциальной истории как истории внутреннего мира людей, французский исследователь повседневности Ф. Арьес отмечает, что история всегда рождается из связи двух отличающихся по времени и местоположению структур прошлого и настоящего. Различия между ними столь велики, что переход из структур прошлого в структуры настоящего для современников внешне незаметен и обнаруживается лишь тогда, когда эти различия становятся одинаково настоящими [2, с. 245]. Следовательно, чтобы понять историю, необходимо с помощью самосознания связать ментальные структуры прошлого и настоящего [2, с. 244].

Возвращаясь вновь к теме образа истории в мифологическом сознании, выскажем следующее предположение. Историческая упорядоченность прошлого в рассмотренной нами структурно-функциональной реконструкции мифологической картины мира обусловлена эуфункциональными особенностями группового сознания как единой и целостной системы. Именно эта ментальная разновидность, носителем которой выступают общности кровнородственного типа, представляет собой функционирующую целостность, призванную обеспечивать позитивный результат всех индивидуальных форм целенаправленной активности. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «мифологические символы функционируют таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы» [17, с. 169-170].

Вместе с тем рассмотренная нами мифологическая модель мира, состоящая из двух структурных уровней сакрального и профанного бытия, не дает ответа на вопрос о характере их взаимосвязи в ситуации нарушения иерархического подчинения личностно ориентированных верований коллективно освящённым традициям рода. В связи со сказанным

обратимся к другим концептуальным подходам в объяснении особенностей мифологического образа истории, способным дополнить теорию о структурной дихотомии «двух времён».

Личностная и внеличностная основа мифологического образа истории

Концептуальным подходом, отличным от структурно-функционального понимания целевой специфики мифологических сюжетов, можно назвать концепцию мифа А. Ф. Лосева, изложенную им в «Диалектике мифа». В своей мифологической доктрине центральное внимание российский философ обращает на такое опосредующее звено, как личностная окрашенность мифа, благодаря чему миф приобретает собственное самосознание и становится личностной историей, существующей в словесной форме [15, с. 534-535].

В связи со сказанным следует заметить, что общей объединяющей миф и религию структурой, которая не зависит от религиозного или не религиозного содержания мифа, Лосев считает их общее личностное начало. В религии оно связано с субстанциальным самоутверждением личности, в мифах – с ее энергийным самоутверждением в качестве образа, явления или картины. Поэтому если миф возможен без религии, то религия не может существовать без мифа [15, с. 483-488].

А. Ф. Лосев убежден в том, что для понимания мифа недостаточно понятия истории как ряда связанных между собой фактов, которые сами по себе «глухи и немые» [15, с. 528]. История, по его мнению, всегда есть история понимаемых фактов. Исходя из такого принципиально положения, философ выделяет в истории три слоя.

Первый – природно-вещественный слой, состоящий из фактов, находящихся в пространственно-временном общении [15, с. 529]. Второй слой – это слой истории как модуса сознания, слой становления понимаемых фактов, которые должны быть объаты общей концепцией [15, с. 531]. Если первый слой истории, как отмечает А. Ф. Лосев, амифичен, то «второй слой доставляет мифу фактический материал и служит как бы ареной, где разыгрывается мифическая история» [15, с. 531].

Кроме того, по мнению российского философа, в истории в ее приложении к мифу существует еще и третий слой. Таким объединяющим слоем в концепции А. Ф. Лосева выступает история самосознающих фактов, необходимость которых обусловлена тем, что в истории «мы находим не просто мертвые факты и не просто кем-то со стороны познаваемые и понимаемые факты». История, как полагает философ, – это еще и история самосознающих фактов. Именно в этом смысле история есть творчество сознательно-выразительных фактов, или, проще говоря, слов. Поэтому история, говоря словами философа, «должна быть не просто “живописью”, но и “поэзией”» [15, с. 534].

Диалектическим синтезом выделенных сторон мифа, понимаемого как исторически разворачивающаяся сознательно-личностно-словесная форма, является понятие чуда, которое, по мнению Лосева, «всегда есть оценка личности и для личности» [15, с. 545]. При этом мифологически чудесное взаимоотношение может происходить в сфере одной и той же личности в виде взаимодействия плана внешне-исторического и плана внутренне-замысленного [15, с. 546].

Противоречивая целостность двух указанных планов обусловлена тем, что идеальная личность как идея, принцип и смысл становления существует сама по себе, вне своей истории [15, с. 546, 548]. В отличие от этого, реальная личность меняется во времени непредсказуемым способом. Подобная непредсказуемость обусловлена тем, что время как процесс перехода от несуществующего, но абсолютно невозвратимого прошлого к несуществующему, но абсолютно неизвестному будущему – иррационально, а значит, представляет собой антитезис

рациональному смыслу [15, с. 546-547]. Исходя из такой сверхчеловеческой и непредсказуемой природы времени, иррациональность исторического бытия предстает в мифах как судьба или, в другой системе координат, как воля богов.

Следует заметить, что значение понятия судьбы как непостижимой силы, действиям которой подчинены как отдельные события, так и вся жизнь человека и социума, более всего характерно для достаточно поздних стадий развития мифологии [13, с. 471]. В развитых мифологических системах и раннефилософских конструкциях понятие судьбы обычно связывается с мифологемой универсального космического порядка, отождествляемого с мировой необходимостью и справедливостью и стоящего не только над людьми, но и над либо за богами [13, с. 473].

В то же время нечеловеческая природы судьбы, делающая ход истории для людей одновременно предопределённым и неопределённым, привела к появлению двух её основных трактовок: судьбы как полной и непредсказуемой предопределённости и судьбы как неполной предопределённости, зависимой от случайностей. Отсюда следует вариант непредсказуемой и неопределённой истории, обладающей вместе с тем некоторым набором альтернативных событий, зависящих от активной деятельности самой личности [21, с. 59-60].

Применительно к концепции двух планов личностного становления, типичных для мифологического образа истории, вариант непредсказуемой и неопределённой, но до конца неизвестной, а потому альтернативной истории будет означать следующее. История реальной личности в её внешнем, судьбоносном по отношению к антиисторической идее личностного становления аспекте выглядит как алогичное становление, абсолютная текучая неразличимость и чисто временная длительность и напряжение [15, с. 547-548].

Однако после того, как историческое становление совершилось, начинается сравнение и оценка реального становления с его идеей, которая, вступая в ментально-исторические отношения с полученным историческим результатом, проходит различные модификации: смысл, значение, первообраз, реальный вещественный образ [15, с. 549-550].

Следовательно, мифологическое сознание, реальной формой существования которого во времени выступает личностное самосознание, оказывается одновременно историческим и антиисторическим. Проиллюстрируем особенности соединения реальных и идеальных слоев исторического времени на примере мифоподобной по своей форме и религиозно-философской по содержанию метаистории Д. Л. Андреева, представленной им в «Розе Мира».

Хотя центральным понятием произведения Даниила Андреева является философское понятие метаистории, однако, как считает автор «Розы Мира», метаистория не философична, а мифологична, поскольку представляет собой «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени <...> просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [1, с. 31].

Столь же мифологична, по мнению Андреева, «вторая реальность», представленная формой трансмифа как совокупности религиозно-философских идей, ясно сознаваемых творческими представителями сверхнарода [1, с. 52].

Пространственно-временная многослойность истории, согласно концепции Андреева, определяется многослойностью системы миров, внутри которых идёт борьба светлых и тёмных сил. Метакультура нашей планеты также состоит из нескольких слоев. Физического слоя, в котором обитает сверхнарод, творящий собственную культуру. Небесного слоя, где обитают просветлённые души народа. Наконец, негативного, демонического мира. Кроме того, в структуру метакультуры входят слои Просветления и Возмездия, число и характер которых меняется в зависимости от хода метаисторических процессов [1, с. 274].

Исходя из указанной общей схемы, детализированной большим количеством мифорелигиозных имен, понятий и образов, для идентификации которых требуется специальный словарь [1, с. 273-275], Андреев предлагает собственную версию метаистории России. Главную роль в этом квазиисторическом процессе сыграли события из истории Древней Руси и эпохи создания российской государственности. Не останавливаясь более подробно на метаисторических интерпретациях андреевской версии истории России [4], попробуем определить общее место «Розы Мира» в системе мифологических и мифоподобных произведений.

По своей жанровой специфике произведение Даниила Андреева, скорее всего, относится к числу нетрадиционных мифорелигиозных систем, возникших на рубеже XIX – XX веков. С другой стороны, представленный Андреевым образ метаистории России напоминает историософскую картину мира, характерную для стилистики гностических и религиозно-мистических произведений. Отмеченная жанрово-стилистическая эклектика потребовала от автора «Розы Мира» создания такого неомифологического произведения, в котором мифорелигиозные образы и сюжеты метаистории России дополняются историософскими обобщениями её актуальной истории, а также эсхатологическим описанием будущего.

Результаты анализа

Подводя общий итог рассмотрению образа прошлого в мифологических и мифоподобных картинах мира, можно сделать следующие выводы. Во-первых, мифологические представления о «ранних временах» сохраняются лишь в форме религиозных, философских и художественных произведений, соответствующих культуре своей эпохи. Во-вторых, мифы о прошлом человечества выполняют функцию объяснения смысла установленного в мире порядка. В-третьих, одной из сущностных сторон образа истории в мифологической картине мира выступает различие между эмпирическим и мифологическим временем. В-четвёртых, понятие объективного закона в мифологической картине мира заменяют каузальная иерархия персонифицированных сил и финитных событий. В-пятых, личностное самосознание мифа является одновременно историческим и антиисторическим.

Обсуждение и заключения

Проведённый анализ подтверждает основную исследовательскую гипотезу. Целостный образ прошлого, обнаруженный в реконструкциях мифологической картины мира, обладает двойственной – одновременно исторической и антиисторической – сущностью, а потому содержит в себе идейный потенциал для нового – религиозного и философского понимания смысла истории, в которых будут не только обращение к сакральному прошлому, но также профанная современность и устремлённость в будущее. Пока же, в условиях отсутствия в системе мифологического мировоззрения такого устойчивого компонента современной картины мира, как историческое сознание, его функции выполняют другие ментальные образования. К их числу относятся: личностная, образно-смысловая и внеличностная, пространственно-временная компоненты мифологического мышления, связанные с пониманием и объяснением результатов каузальных и целевых изменений. Именно этот умообразительный результат реальных и вымышленных исторических событий, образующий целостный образ истории, входит в состав общей мифологической картины мира.

Таким образом, единство реального и ирреального, имманентного и трансцендентного в мифологических описаниях прошлого помогает лучше понять истоки мировоззренческого дуализма объективной и субъективной истории.

Список использованных источников

1. Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Товарищество Калашников-Комаров и К°, 1992. 288 с.
2. Арьес Ф. Время истории: пер. с фр. М.: ОГИ, 2011. 304 с.
3. Боброва С. П. Мифологическое сознание как система: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2003. 30 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3-х тт.: пер. с фр. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
5. Волков Ю. К. Метаистория Древней Руси Даниила Андреева // Философия и методология истории: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции. Коломна: ГСГУ, 2015. С. 224-234.
6. Волков Ю. К. Диахронические и синхронические модели социальных изменений и проблема периодизации истории // Философия и методология истории: сборник научных статей VIII Всероссийской научной конференции. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 13-23.
7. Гесиод. Труды и дни // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М.: Ладомир, 1999. С. 50-68.
8. Грейвс Р. Мифы Древней Греции: пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
9. Губман Б. Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
10. Дёмин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2017. 51 с.
11. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А., Украинский В. Н. Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 161-177.
12. Иванов А. Г. Социальная мифология и её роль в развитии общества: дис. ... д-ра филос. наук. Липецк, 2017. 334 с.
13. Карев В. М. Судьба // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 471-474.
14. Кузнецов В. Ю. Социально-философская концепция мифологизации времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чебоксары, 2007. 43 с.
15. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // А. Ф. Лосев. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 391-599.
16. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
17. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
18. Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2013. 400 с.
19. Овидий П. Н. Метаморфозы: пер. с лат. М.: Художественная литература, 1977. 430 с.
20. Розов Н. С. Смысл истории как испытание человеческого рода в пространствах изменений // Философия и общество. 2005. № 3. С. 5-25.
21. Семёнов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. 380 с.

22. Соколов А. М., Кузнецов В. Н. Философия истории как философия // Вестник СПбГУ. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 634-644.
23. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
24. Токарев С. А. Золотой век // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 1. С. 471-472.
25. Фёдоров И. А., Запороженко О. А. Противоречия социологического измерения циклов исторического времени // Век глобализации. 2012. № 1 (9). С. 68-83.
26. Чернышов Ю. Г. Гесиод и Овидий: опыт источниковедческого анализа античных описаний «золотого века» // Источниковедческие проблемы всеобщей истории: сборник научных трудов. Караганда: Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Бекетова, 1991. С. 15-35.
27. Эсхатологические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 670-671.
28. Bowden B. History as Philosophy: The Search for Meaning // Histories. 2022. No. 2 (2). Pp. 80-90. DOI: 10.3390/histories2020008.

References

1. Andreev D. L. Rose of the World. Moscow, Tovarishestvo Kalashnikov-Komarov i K° Publ., 1992. 288 p. (In Russ.)
2. Ar'es F. Time of History: trans. from French. Moscow, OGI Publ., 2011. 304 p. (In Russ.)
3. Bobrova S. P. Mythological Consciousness as a System: abstract of dissertation for doctor of philosophical sciences. Ivanovo, 2003. 30 p. (In Russ.)
4. Brodel' F. Material Civilization, Economy, and Capitalism of the 15th–18th Centuries: in 3 volumes: trans. from French. Vol. 1: Structures of Everyday Life: Possible and Impossible. Moscow, Progress Publ., 1986. 623 p. (In Russ.)
5. Volkov Yu. K. Metahistory of Ancient Rus by Daniil Andreev. *Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik nauchnyh statej VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Kolomna, GSGU Publ., 2015. Pp. 224-234. (In Russ.)
6. Volkov Yu. K. Diachronic and Synchronic Models of Social Changes and the Problem of Periodization of History. *Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik nauchnyh statej VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Kolomna, GSGU Publ., 2019. Pp. 13-23. (In Russ.)
7. Gesiod. Works and Days. *Ellinskie poety VIII–III vv. do n.e. Epos, elegiya, yamby, melika*. Moscow, Lodomir Publ., 1999. Pp. 50-68. (In Russ.)
8. Grejvs R. Myths of Ancient Greece: trans. from English. Moscow, Progress Publ., 1992. 624 p. (In Russ.)
9. Gubman B. L. The Meaning of History: Essays on Modern Western Concepts. Moscow, Nauka Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
10. Dyomin I. V. Philosophy of History in the Post-Metaphysical Context: abstract of dissertation for doctor of philosophical sciences. Moscow, 2017. 51 p. (In Russ.)
11. Dem'yanenko A. N., Dyatlova L. A., Ukrainskij V. N. Fernand Braudel and the Formation of the Geohistorical Method in the Study of Economic Space. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2013, no. 3, pp. 161-177. (In Russ.)
12. Ivanov A. G. Social Mythology and Its Role in the Development of Society: dissertation of a doctor of philosophical sciences Lipetsk, 2017. 334 p. (In Russ.)
13. Karev V. M. Fate. *Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-h t*. Moscow, NI Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2000. Vol. 2. Pp. 471-474. (In Russ.)

14. Kuznecov V. Yu. Social and philosophical concept of mythologization of time: abstract of dissertation for doctor of philosophical sciences. Cheboksary, 2007. 43 p. (In Russ.)
15. Losev A. F. Dialectics of myth. *A. F. Losev. Iz rannih proizvedenij*. Moscow, Pravda Publ., 1990. Pp. 391-599. (In Russ.)
16. Losev A. F. Mythology of the Greeks and Romans. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 975 p. (In Russ.)
17. Meletinskij E. M. Poetics of Myth. 3rd ed., reprint. Moscow, Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN Publ., 2000. 407 p. (In Russ.)
18. Momdzhyan K. H. Social Philosophy. Activity approach to the analysis of man, society, history. Part 1. Moscow, Publishing House of Moscow University, 2013. 400 p. (In Russ.)
19. Ovidij P. N. Metamorphoses: trans. from Latin. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1977. 430 p. (In Russ.)
20. Rozov N. S. The meaning of history as a test of the human race in the spaces of change. *Filosofiya i obshchestvo*, 2005, no. 3, pp. 5-25. (In Russ.)
21. Semyonov Yu. I. Philosophy of history from its origins to the present day: Basic problems and concepts. Moscow, Staryj sad Publ., 1999. 380 p. (In Russ.)
22. Sokolov A. M., Kuznecov V. N. Philosophy of History as Philosophy. *Vestnik SPbGU*, 2020, vol. 36, issue 4, pp. 634-644. (In Russ.)
23. Tokarev S. A. Early Forms of Religion. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 622 p. (In Russ.)
24. Tokarev S. A. Golden Age. *Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-h t*. Moscow, NI Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2000. Vol. 1. Pp. 471-472. (In Russ.)
25. Fyodorov I. A., Zaporozhenko O. A. Contradictions in the Sociological Measurement of Historical Time Cycles. *Vek globalizacii*, 2012, no. 1 (9), pp. 68-83. (In Russ.)
26. Chernyshov Yu. G. Hesiod and Ovid: an experience of source study analysis of ancient descriptions of the "golden age". *Istochnikovedcheskie problemy vseobshchej istorii: sbornik nauchnyh trudov*. Karaganda, Karagand. gos. un-t im. E. A. Beketova Publ., 1991. Pp. 15-35. (In Russ.)
27. Eschatological myths. *Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-h t*. Moscow, NI Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2000. Vol. 2. Pp. 670-671. (In Russ.)
28. Bowden B. History as Philosophy: The Search for Meaning. *Histories*, 2022, no. 2 (2), pp. 80-90, doi: 10.3390/histories2020008.

© Волков Ю. К., Тихонов Н. С., 2025

Информация об авторах

Волков Юрий Константинович – доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0002-4723-443X, yu.k.volkov@yandex.ru

Тихонов Никита Сергеевич – стажер-исследователь, Приволжский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация, tns23nn@yandex.ru

Information about the authors

Volkov Yuri K. – Doctor of Philosophical Science, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0002-4723-443X, yu.k.volkov@yandex.ru

Tikhonov Nikita S. – Intern researcher, The Volga Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, tns23nn@yandex.ru

Вклад авторов

Волков Юрий Константинович – общее руководство проектом, разработка материалов и методов исследования, анализ источников и литературы, анализ результатов исследования, анализ двух тематических блоков: ход истории в мифологических сюжетах о прошлом человечества, мифологический образ исторического времени и принцип причинности.

Тихонов Никита Сергеевич – поиск и анализ источников и литературы, анализ результатов исследования, анализ тематического блока: личностная и внеличностная основа мифологического образа истории, оформление статьи.

Contribution of the authors

Volkov Yuri K. – general project management, development of research materials and methods, analysis of sources and literature, analysis of research results, analysis of two thematic blocks: the course of history in mythological stories about the past of mankind, the mythological image of historical time and the principle of causality.

Tikhonov Nikita S. – search and analysis of sources and literature, analysis of research results, analysis of the thematic block: personal and impersonal basis of the mythological image of history, article design.

Поступила в редакцию: 31.10.2024

Принята к публикации: 16.06.2025

Опубликована: 30.06.2025